

рой части Октоиха упомянута как законодательный текст и процитирована в предисловии к Служебнику 1651 года, окончательно утвердившему единогласное пение в монастырских и приходских храмах: «Якоже завѣщавае о сем церковное кормило еже есть Устав своим предисловием, *настоятелю хранити добръ преданный чин церковный*» (л. 5 об.; курсив наш. — Н. С.).

Как бы то ни было, вводные статьи Октоиха 1649 года в целом виде не повторились ни в одном из последующих московских изданий, но они, и прежде всего вступление ко второму тому, отразились в известных памятниках, касающихся темы единогласия. В частности, вступление ко второй части Октоиха полностью вошло в «Слово о единогласном пении», составителем которого принято считать Шестака Мартемьянова.⁵⁴ С другой стороны, оба предисловия — о целовании икон и о единогласии — обнаруживают параллели, не только тематические, но и текстуальные, со всем кругом памятников, отражающих полемику о церковном благочинии, и требуют переосмысления и детального исследования литературной истории текстов этого круга.

⁵⁴ РГБ. Музейное собр. № 1407. Л. 35 об. — 39 об.; текст вводится словами: «Уставы церковныя глаголют, яко подобает хранити со всяким тщанием настоятелю церкви служба церковная...»; на полях глосса, воспроизводящая самоглавие текста в Октоихе: «Лист 1, и 2, и 3»; цитата из «Книги о вере» в том же объеме, что и в предисловии, выписана ранее, на л. 32–33.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-77-89

© Т. Г. Иванова

ТРАНСФОРМАЦИИ ТОПОСА «БИТВА КАК ПИР» В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ XVIII–XIX ВЕКОВ

Одним из топосов, пронизывающих русскую культуру на протяжении многих веков, является топос «битва как пир»: военное сражение метафорически изображается в образах застолья. Этот топос характерен и для средневековой литературы, и для устно-поэтической традиции.

В качестве одного из ранних примеров мы можем назвать Слово о полку Игореве — памятник древнерусской литературы XII века. О битве русских князей Игоря и Всеволода с половцами в Слове читаем: «Бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирь кончаша храбри русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».¹

Предметом нашего исследования являются русские исторические песни XVIII–XIX веков, т. е. произведения Нового времени. Хронологический разрыв между Словом о полку Игореве и песнями, которые в науке принято называть «младшими» историческими песнями, — шесть-семь столетий. Мы не предлагаем последовательный обзор эволюции названного топоса в устно-поэтической традиции, а даем лишь поздний срез XVIII–XIX столетий.

Напомним, что исторические песни нового времени в основном складывались в солдатской среде — социальном слое, созданном в эпоху решительных преобразований Петра I. Российская регулярная армия на протяжении XVIII–XIX веков фактически

¹ Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 1. С. 11. В переводе этот отрывок выглядит следующим образом: «Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы! Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кроваваго вина не достало; тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Рускую» (Слово о полку Игореве / Вступ. статья, подг. древнерусского текста Д. Лихачева; сост. и комм. Л. Дмитриева; художник В. А. Фаворский. М., 1983. С. 121 (сер. «Классики и современники. Поэтическая библиотека»)).

непрерывно так или иначе находилась в военных ситуациях: четыре русско-турецких войны в XVIII веке и четыре в XIX столетии (включая Крымскую и Балканскую); три русско-шведских войны в XVIII веке (включая Северную войну) и одна война в XIX веке; участие России в войне против Пруссии во время Семилетней войны; русско-французские войны (в том числе и война 1812 года); две русско-персидские войны в XVIII веке и две войны в XIX веке; хивинские походы (три похода за два столетия); добавим сюда и длительную Кавказскую войну 1817–1864 годов. Песни отражали конкретные походы, военные столкновения, осады крепостей, запечатлевали имена военачальников, новое географическое пространство, в котором оказывался русский человек, т. е. исторические песни выполняли важную хроникальную функцию. Историческая песня активно осваивала новую лексику, которая входила в сознание крестьянина, когда он, оторванный от привычного земледельческого труда, становился солдатом: картечь, штык, лафет, гренадеры, бомбардиры, канониры, фрегат, фланг, ранцы и т. д.

Следует отметить, что солдатская среда вносит в устную традицию не только новое содержание, но и новые формы. Фольклорная песня начинает ориентироваться на литературные образцы, которые солдатам, находившимся в непосредственной близости к образованным офицерам, были гораздо лучше знакомы, чем крестьянину-землепашцу. В исторической песне появляется рифма, которую не знает традиционный песенный фольклор русского народа, и новый стихотворный размер — те самые формы стихотворного размера, которые были освоены русской литературой только со времен Ломоносова и Тредиаковского.

Материалом для нашего сообщения послужили сборники академической антологии «Исторические песни XVIII века», «Исторические песни XIX века» и сборник С. Н. Азбелева «Исторические песни».²

Топос «битва как пир» или, по-другому, метафорический кулинарный код военного сражения в текстах XVIII–XIX веков представлен в двух ситуациях: 1) в насмешливых словах русского солдата или военачальника, направленных в сторону противника, 2) в словах персонажа, воспринимающего свое ранение или тяготы военной жизни в кулинарных образах.

1. Слова русского солдата, обращенные к неприятелю. Эталонным примером может быть эпизод из знаменитого сюжета «Платов в гостях у французов» (цикл о войне 1812 года): казачий генерал, неузнанным побывавший в стане противника, при отъезде издевательски-насмешливо кричит «французскому ротозею»:

Про тебя у нас, ворона,
Пироги напечены,
Пироги напечены
Да сухари насушены.
Пирогам будем кормить,
А сухарям по крылью бить...

(ИП XIX, № 137, ст. 62–67)

См. также:

Про тебя, ворона, блины напечены,
Блины напечены, пушки заряжены...

(ИП XIX, № 138, ст. 33–34)

² Исторические песни XVIII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971 (далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно — ИП XVIII, с указанием номера песни и стихов); Исторические песни XIX века / Изд. подг. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973 (далее — ИП XIX); Исторические песни / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. С. Н. Азбелева. М., 2001 (далее — Азбелев).

Ряд примеров рассматриваемого топоса мы находим в цикле песен о Крымской войне. Напомним, что помимо Крыма и Севастополя военные действия в войне 1853–1856 годов имели место также на Дунае, на Кавказе, на Белом море, на Балтике. Командующим английской эскадрой на Балтике был вице-адмирал Чарльз Джон Нейпир (1786–1868), имя которого попало в песни. Вошедшие в Балтийское море летом 1854 года английские корабли в сентябре, в преддверии зимы, ушли в свои порты и начали готовиться к кампании 1855 года. В свою очередь, Россия, осознавая, что возможна непосредственная угроза Санкт-Петербургу, за зиму 1854/1855 годов построила 32 винтовые канонерские лодки для плавания в мелководном Финском заливе. Эти суда вместе с минными заграждениями сыграли большую роль в защите Свеаборга (Гельсингфорса / Хельсинки), Ревеля (Таллина) и Кронштадта. Действия пришедшего летом 1855 года в Балтику английского и французского флотов оказались малоэффективными. Планы по атаке на Свеаборг и Выборг были сорваны, и Нейпир вскоре был отправлен в отставку.

В фольклорной традиции сохранилось несколько песен, отражающих события на Балтийском море. В сюжете «Не<й>пир у Кронштадта» мы находим следующий вариант топоса:

Уж на славу же, по-русски,
Зададим вам пир.
Пир уже такой, что вспашет,
Сам Непир старик запляшет
Русского бычка.
Хлебом-солью Русь богата,
На приемы таровата,
Любит угостить.
Для друзей почнет картузы,
И чугунные арбузы
Будут вам в привет.
А как ближе будет к встрече,
Вместо сладких дуль картечи
К вам пошлем на борт.
А от скуки, для потехи,
Есть свинцовые орехи,
Только раскуси...

(Азбелев, № 239, ст. 23–39)

«Кулинарный» топос военных действий сказывается и в другом тексте. Солдаты обращаются к врагу: «Ты попробуй русской булки, / Русский любит угощать» (ИП XIX, № 371, ст. 11–12; сюжет «Русские охраняют Балтийские берега» из цикла песен о Крымской войне). В песне из цикла о Кавказской войне мы встречаем слово «гостинец». О горцах, противостоявших русским солдатам, читаем: «Они — шасть, а тут гостинец / Припасен давно для них» (Азбелев, № 259, ст. 27–28; сюжет «Окончательная победа над Шамилем»).

В массиве материала, которым мы оперируем, можно выделить различные версии рассматриваемого топоса. Интересной является версия, в которой появляется топонимическая составляющая: кулинарные образы вписываются в определенный локус. В песне «Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля» из цикла о Северной войне 1700–1721 годов между Петром I и солдатами происходит следующий диалог:

«Уж вы детушки мои, ребятушки!
Что нам делать, что нам делати?
К нам хотел шведский король в гости побывать,
Хотел в гости побывати.

Да и чем его, детушки, будем потчевать, будем потчевати?
 У нас, детушки-ребятушки, пиво не варено, зелена вина нет». —
 «У нас, батюшка православный царь, все готово, все приготовлено,
 Как у нас, братцы-ребятушки, в *Москве* пироги печены,
 В *Москве* пироги печены, в сухари они крошены,
 В сухари они крошены, в *Туле* сушены,
 В *Туле* сушены, по солдатам розданы»...

(ИП XVIII, № 58, ст. 23–32; здесь и далее курсив мой. — Т. И.)

В другом варианте этого же сюжета вся образная система интересующего нас топоса представлена в словах Петра I:

Уж мы чем бы его, братцы, стали потчевать?
 У нас пиво невареное, зелено вино некуренное,
 Только есть у нас одно угощеньице —
 Сухари сушеные,
 В *Туле* сушены, мелко крошены...

(ИП XVIII, № 62, ст. 13–17)

См. также еще один вариант: «Уж как есть у нас для него сухари накрошенные: / Они в *Туле* крошены, в *Москве* высушены» (ИП XVIII, № 61, ст. 25–26; курсив мой. — Т. И.).

Версия с топонимической составляющей встречается и в других сюжетах XVIII века, например в песне «Шведский король требует возвращения городов» (ИП XVIII, № 410–436), отражающей одну из русско-шведских войн XVIII столетия. 21 июня 1788 года, при Екатерине II, шведская армия во главе с королем Густавом III вторглась в Россию. Целью шведов было возвращение земель (включая устье Невы, т. е. Петербурга), отошедших России во времена Петра I. Война для России оказалась победной. Верельский мирный договор (г. Верель, ныне Финляндия) 3 августа 1790 года аннулировал все территориальные претензии Швеции.

В одном из текстов читаем:

У нас есть чем принять, есть чем потчевать его:
 У нас есть ли пироги, они в *Туле* печены,
 Они в *Туле* печены, в *Москве* маком чинены;
 У нас есть ли сухари, они в *Туле* крошены,
 Они в *Туле* крошены, в *Москве* высушены;
 Еще есть ли у нас похлебочка — у солдата на бедре,
 У солдата на бедре, да что на левой стороне!

(ИП XVIII, № 411, ст. 20–26; см. близкую версию: № 418, ст. 19–23; № 434, ст. 35–39)

См. также вариант из этого же сюжета с образом не пирогов, а хлебов:

Уж мы хлебов напечем
 В каменной матке *Москве*,
 На пушечном на дворе;
 Горяченка похлебочка
 У солдатухек в ружье; <...>
 Уж мы станем этого гостя,
 Станем потчевати...

(ИП XVIII, № 412, ст. 44–52)

В одной из песен мы находим следующий выразительный текст:

Ой да и есть у мене сухари, только в *Туле* печены,
 Покушай мои сухари, только зубы береги,
 Когда зубы не уберегешь, тады тут жа пропадешь...

(ИП XVIII, № 426, ст. 11–13)

См. также из этого же сюжета «Шведский король требует возвращения городов»: «Есть у нас сухари — они в *Туле* крошены, / Они в *Туле* крошены, в *Москве* высушены» (ИП XVIII, № 424, ст. 19–20; курсив мой. — Т. И.).

В приведенных отрывках упоминаются *Москва*, которая в сознании солдат и в конце XVIII века остается главным городом страны, и *Тула*. *Тула* в построении этой метафоры возникает, естественно, не случайно. В городе в XVII веке началось активное развитие кузнечного ремесла. В конце этого столетия именно здесь развернул свою деятельность предприимчивый кузнец Никита Демидов. В 1712 году в Туле был поставлен первый государственный оружейный завод, и с этого времени город стал центром производства оружия в России.

Помимо устойчивых топонимов *Москва* и *Тула* в рассматриваемом топосе в песне «Шведский король требует возвращения городов» мы находим и другие (случайные) географические имена. В одном из вариантов, где шведский король заменен «королем прусским» (явное влияние песенного цикла о Семилетней войне), появляется *Париж* (что вызвано, вероятно, влиянием поздних песен, посвященных войне 1812 года):

Для тебя ли, король прусский, я гостинцев припасу, сухарей насушу,
 Они в *Туле* были сушены, а за *Парижем* вчера розданы...

(ИП XVIII, № 432, ст. 6–7)

Находим в топосе и Ярославль:

Уж вам евти сухари у нас были
 В *Туле* крошены,
 В *Ярославле* сушены,
 К *Москве* вывезены!

(ИП XVIII, № 422, ст. 38–41)

Топонимическая версия имеется и в песнях о русско-турецких войнах. В сюжете «Румянцев ведет войско против турок» читаем:

Уж и чем-то нам, ребята, гостей потчевать?
 Как у нашего царя припасено, собрано,
 Пиво пьяно сварено и зелено вино.
 На закуску, на прикуску — всё сухие сухари,
 Они в *Туле* напечены, в *Москве* сушены...

(ИП XVIII, № 440, ст. 2–6)

В песне «Русские войска получают приказ готовиться к сражению» из цикла о войне 1812 года наличествует *Москва*:

Есть чем потчевати,
 Уж как есть у нас, ребятушки,
 Есть крупа, есть мука,
 Уж как есть у нас, ребятушки,
 Аржаные сухари,
 На заводах печены, ребятушки,
 В *Москве* высушены...

(ИП XVIII, № 44, ст. 28–34)

Выразительной является версия рассматриваемого топоса, строящаяся на образах столового убранства:

Уж мы сделаем, государыня, про прущего обед:
Уж мы столики поставим во зеленых лузях,
Уж мы скатерти расстелем по шелковой траве,
Уж мы ложечки приставим и каменной к стене,
Уж мы яства принесем — штыки-ружья поберем,
Штыки-ружья поберем, ему голову снесем...

(ИП XVIII, № 433, ст. 25–30; сюжет «Шведский король требует возвращения городов»)

Варианты:

Не пугайтесь вы его!
Мы столики расставим и скатерти разберем,
Тарелочки раскладем и кушанье припасем,
Мелки пушечки зарядим, короля в полон возьмем!

(ИП XVIII, № 415, ст. 12–15; сюжет «Шведский король требует возвращения городов»)

Да разставим-ко мы столики, ой всё дубовенькие,
Ой да накатем-ко мы пушечек всё со ядрышкамы.
А уже мы станем ему подавать, не успеет принимать...

(ИП XVIII, № 423, ст. 18–20; сюжет «Шведский король требует возвращения городов»)

Укажем на то, что топос «битва как пир» может быть представлен и версией, в которой дается расшифровка метафорических образов:

Приготовим мы закусочки —
Звонки медны пушечки...

(ИП XVIII, № 435, ст. 31–32; сюжет «Шведский король требует возвращения городов»)

В сюжете «Французский король пишет Александру I» из цикла о войне 1812 года Кутузов утешает царя в ответ на французские угрозы:

Мы поставим ему столы — пушки медные,
Как скатерть постелим ему — горнодерушков.
Закусочку ему положим — ядра чугунные,
Пойлице ему нальем — зелен порошок...

(ИП XIX, № 36, ст. 15–18)

См. также:

А мы столики поставим ему — пушки медные,
А мы скатерти ему постелим — вольны пули,
На закусочку поставим — каленых картечь;
Угощать его будут — канонерушки,
Провожать его будут — все козачушки...

(ИП XIX, № 37, ст. 15–19)

Образный ряд столового убранства — но с совсем иной расшифровкой, связанной с перечислением петровских полков, — мы находим в одном из вариантов сюжета «Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля»:

Уж мы столики расставим — Преображенский полк,
 Скатерти расстелем — полк Семеновский,
 Мы вилки да тарелки — полк Измайловский,
 Мы поильце медяное — полк драгунушек,
 Мы кушанья сахарны — полк гусарушек,
 Потчевать заставим — полк пехотушек...

(ИП XVIII, № 60, ст. 12–17)

См. в сюжете «Шведский король требует возвращения городов» имена полков:

Мы шведу-королю три гостинца поднесем:
 Как и первый гостинец — полк Семеновский пошлем,
 А второй-то гостинец — полк Ивановский — пошлем,
 А на третий-то гостинец — саблей голову снесем...

(ИП XVIII, № 420, ст. 13–16)

В одном из вариантов этой же песни мы находим образы, взятые из флотской жизни:

Ой мы столики ему поставим —
 Черные, ох, мы корабли.
 Ой да мы скатертки ему постелем —
 Тонкие белые паруса.
 Ой да уж мы кушанья ему составим —
 Черные, ох, мы пушечки,
 Ой да уж мы черны пушечки поставим,
 Чугунные, ох, мы ядрышка...

(ИП XVIII, № 410, ст. 42–49)

Многие примеры топоса «битва как пир», как уже видно по приведенным цитатам, демонстрируют нам сочетание метафорики, ее расшифровки и прямого значения:

Мы яствице приготовим ему — бомбы с ядрами
(расшифровка метафоры),
 А другое отошлем ему — пушки с лафетами
(прямое значение),
 На закусочку подадим ему славную чиненочку...
(метафорическое значение)

(ИП XIX, № 38, ст. 15–17; сюжет «Французский король пишет Александру I»)

См. также:

Вместо столиков мы накроем-то
 Медны пушечки со лафетами, со лафетами.
 Со лафетами.
 На закусочку начиним ему
 Славны бомбы со картечами, со картечами...

(ИП XIX, № 40, ст. 43–47; сюжет «Французский король пишет Александру I»)

Чем будем, ребята,
 Гостя потчевати?
 У нас, ребята,
 Есть крупа и мука,
 Есть крупица,
 Есть мучица,

Есть сухие сухари
 (метафорическое значение),
 На закуску дадим ядра,
 Есть на встречу картечи!
 (прямое значение)

(ИП XIX, № 43, ст. 28–36; сюжет «Русские войска получают приказ готовиться к сражению»)

В одном из вариантов песни «Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля» в ответ на вопрос Петра I о том, чем будут «потчевать» неприятеля, солдаты заявляют:

Ах ты гой еси батюшко благоверный царь,
 Снаряженные столы у нас на руках.
 Снаряженные столы — твои государевы полки
 (расшифровка метафоры),
 Красное питье у драгунов в палашах,
 Каленые орехи у солдат во сумах
 (метафорическое значение) —
 Тем-то короля станем потчевать,
 Тем-то шведского будем чествовать...

(ИП XVIII, № 59, ст. 23–29)

Еще одна версия являет вплетение рассматриваемого топоса в другие топосы — в топос требования со стороны противника предоставить «квартирушки» в российских городах. См. пример с расшифровкой метафоры:

Уж мы выставим ему квартирушки —
 Ему поля чистые,
 А князьям-то его, боярам —
 Им пушки медные,
 А на закусочку-то ему —
 Ему пули меткие...

(ИП XIX, № 39, ст. 27–32)

Кулинарный код, как видно из приведенных примеров, пользуется термином «пир», который наличествует уже в Слове о полку Игореве («ту пирь докончаша храбрии русичи»). Знает песня и слово «обед». В песне «Англичане обстреливают деревню» из цикла о Крымской войне говорится об угрозе Кронштадту:

Из заморской за земли
 Выходили корабли
 Под Кронштадт гулять.
 Увидали деревушку
 Зарядили туго пушку
 И давай стрелять.
 Во Кронштадте было пышно,
 Собирались, было слышно,
 В Питер на обед...

(ИП XIX, № 374, текст приведен целиком; здесь и далее курсив мой. — Т. И.)

В сюжете «Шведский король требует возвращения городов» есть топос угрозы со стороны неприятеля — захватить Петербург и Москву. Высказана эта угроза в образах «обеда», «ужина» и «завтрака»:

Во Питере *пообедаю*, в Москву *ужинать* прийду,
Под Москвой-то я ночую, поутру рано в нее вступлю...
(ИП XVIII, № 433, ст. 6–7)

Всю Русеюшку пройду, в каменную Москву зайду,
Вот я в Астрахань взойду *позавтракать*, а в Москву —
пообедать,
В Москву — *пообедать*, в Питенбурхе буду ночевать...
(ИП XVIII, № 418, ст. 7–9)

Образная система разных топосов историко-песенного фольклора, таким образом, оказывается взаимопроницаемой.

Все приведенные примеры демонстрируют трансформационные возможности рассматриваемого топоса в произведениях XVIII–XIX веков. С другой стороны, мы можем отметить сворачивание топоса до одного слова, например «потчивать»:

Как завтра к нам француз в гости хотел быть,
Чтобы было у нас чем его *потчивать*...
(ИП XIX, № 42, ст. 9–10; сюжет «Русские войска
получают приказ готовиться к сражению»
из цикла о войне 1812 года)

Второй глагол, за которым прочитывается топос «битва как пир» — «угощать». В песне из цикла о Крымской войне читаем: «Не в первой раз супостата / *Угощать* штыком» (Азбелев, № 245, ст. 5–6; курсив мой. — Т. И.; сюжет «Князь Бебутов разбивает Ахмет-пашу»).

2. Слова персонажа, воспринимающего свое ранение или тяготы военной жизни в кулинарных образах. Все приведенные нами примеры рисуют ситуацию уверенного ответа русских солдат неприятелю. Однако имеются примеры и другого плана: представитель русского воинства оказывается в страдательном положении, что также рисуется в кулинарных образах. Так, в сюжете «Краснощеков ранен» из цикла песен о Семилетней войне ранение русского генерала Федора Ивановича Краснощекова (1710–1764) дано в образах опьянения («пьян сидит, пьян шатается», ст. 7). Герой заявляет:

Напоил меня прущкий король,
Напоил тремя *пойлами*, тремя разными:
Первое пойло — пулечка свинчатая,
Другое пойло — сабля булатная,
Третье пойло — копые вострое...
(ИП XVIII, № 403, ст. 14–18)

Варианты:

Напоил меня супостат, прусской король,
Тремя *пойлами*, тремя разными:
Первое пойлице — сабля вострая,
Другой пойлице — ружье огненно,
Третье пойлице — каленá стрела...
(ИП XVIII, № 404, ст. 14–18)

Еще *перво-то пойлице* — свинцовая пуля,
Другое-то пойлице — строевó ружье,
А *третье-то пойлице* — каленá стрела...
(ИП XVIII, № 405, ст. 29–31)

Как видим, песня здесь дает расшифровку образов кулинарного кода.

В песне «Суворов ранен», явно построенной по модели песни «Краснощекоев ранен», матушка героя принимает его слабость от ранения за опьянение:

«Ой ты сын, ты сын мой, чадо милое,
Ты зачем же, сын, рано *напиваешься?*» —
«Я не сам-то собою *напиваюся* —
Напоил меня француз свинцом-порохом,
Опохмелил меня чугунными ядрами» ...

(ИП XVIII, № 496, ст. 28–32)

Варианты:

«Ты зачем, пошто *пьян напиваешься,*
Зелена вина упиваешься?» —
«Я не сам-то собою *пьян упивался,*
Напоил меня злой прусский король,
Не *вином* поил — свинцом-порохом,
Он *хмелил* меня из медной пушечки» ...

(ИП XVIII, № 497, ст. 24–29)

«Ты дитя ли мое, чадо милое,
Ты почто так крепко *упиваешься,*
С зелена вина забываешься?» — <...>
«Что не сам-то я *напиваюся* —
Напоил меня злой прущкой король,
Напоил меня он свинцом-порохом,
Опохмелил он из медной пушечки» ...

(ИП XVIII, № 498, ст. 27–35)

В песне «Казачи возвращаются из похода» из песен о русско-турецких войнах, где отсутствует ситуация ранения, путая этническую сущность противника («пруцкой король» вместо турок), солдаты говорят государыне (т. е. Екатерине II) о тяготах войны:

Напоил-то нас прущкой король,
Тремя *пойлами*, тремя разными:
Первое пойлице — свинцом-порохом,
Другое пойлице — саблями острыми,
Третье пойлице — копыями острыми...

(ИП XVIII, № 492, ст. 17–21)

В тексте «Князь Бебутов разбивает Ахмет-пашу» из цикла о Крымской войне (речь идет о действиях на Кавказе) «свинцовые орехи» (т. е. пули и пушечные снаряды) предназначены не неприятелю, а русским солдатам:

Хоть свинцовые *орехи*
Нам и сделали прорехи —
Да не в первый раз...

(Азбелев, № 245, ст. 34–36; сюжет «Князь Бебутов разбивает Ахмет-пашу»)

Обобщим образную систему топоса «битва как пир» в исторических песнях XVIII–XIX веков. Топос имеет предметный и акциональный планы.

XVIII век	XIX век
	арбузы
	блины (напечены=напечь)
	булки (попробовать)
вилки	
вино (курить, сварить)	
гостинец (припасти, поднести)	гостинец (припасти)
	дули [плод груши]
закуска	закуски, закубочки (поставить; подавать; начинить)
	крупа, крупица
кушанья (припасти, составить)	
ложечки (приставить)	
мак (чинены=чинить, начинить маком)	
	мука, мучица
обед	обед (собираться на...)
орехи	орехи свинцовые (раскусить)
пиво (варить, сварить)	
	пир (задать)
пирог (печены=печь; испечены=испечь; крошены=крошить; сушены=сушить)	пирог (напечены=напечь; кормить)
питье	
пойлице	пойлице
пойло	
похлебочка	
прикуска	
скатерти (расстелить, поставить, разобрать)	скатерть (постелить)
столы, столики (поставить, расставить)	столы, столики (поставить)
сухари (крошены=крошить; накрошить; высушены=высушить; сушены=сушить; насушены=насушить; печены=печь; вывезены=вывезти; покусать; раздать)	сухари (насушены=насушить)
тарелки, тарелочки (раскласть)	
угощенье	
хлеба (напечь)	
	хлеб-соль
	чиненочка
	яствице
яства (принести)	

Ядром образной системы топоса «битва как пир» в песнях XVIII–XIX веков являются образы, связанные с зерновыми культурами — главными для русского крестьянина: *блины; булки; крупа, крупица; мука, мучица; пироги; сухари* (аржаные, сухие); *хлеба; хлеб-соль*. Хлеб в традиционной культуре — исключительная ценность. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» приводится следующее определение хлеба: «Хлеб — в традиционной культуре высшая жизненная ценность, „дар Божий“, главный ресурс жизни, символ достатка, благоденствия, здоровья и плодородия; повседневная и обрядовая реалья, обращение к которой в высшей степени ритуализировано и подчинено множеству предписаний и запретов; объект почитания и сакрализации; средство общения людей между собой и живых с умершими;

магическое средство (продуцирующее, защитное, лечебное и др.)».³ Семиотическая нагруженность *хлеба* как символа жизни безусловна. В историко-песенном фольклоре *хлеб* (и его производные) помещается в иронический контекст. Однако, подчеркнем, частотность хлебных образов свидетельствует о том, что песни опираются на бытовую, обрядовый и фольклорный опыт русского крестьянства.

Рассматриваемый топос, как видно из приведенного списка, включает разные виды мучной выпечки — от самой древней *блины* до поздней *булки*. Слово *булка* — позднее заимствование из польского языка, куда оно в свою очередь проникло из французского или итальянского («круглый хлеб»). Таким образом, слово *булка* в рассматриваемом топосе является примером проникновения в фольклор XVIII–XIX веков новой лексики.

Похлебкой, как известно, в допетровской Руси назывались все жидкие блюда русской кухни. Основой похлебок могли быть рожь, чечевица, ячмень, горох, т. е. зерновые культуры. Знаменитый казацкий кулеш — это похlebка из пшеницы, сала и лука. *Похlebка*, таким образом, это еще одно из проявлений быта крестьянина-землепашца. Именно поэтому этот образ попадает в рассматриваемый топос.

Интересен ряд образов, связанных с питьем: *вино зелено*; *пиво*; *питье*; *поильице*; *пойло*; *пойлице*. Центральными образами здесь являются *пиво* и *зелено вино*. Пиво, как известно, — важнейший обрядовый напиток русского крестьянства, причем напиток, варившийся, подчеркнем, из зерновых культур.⁴ Зелено вино на Руси — это не виноградное вино, а хлебное (от слов «зеленое», «злак»), т. е. водка с добавлением трав. Нам важно опять подчеркнуть, что и в ряду образов питья в центре оказываются напитки, связанные с зерном.

Приведенные выше примеры с *пивом* и *зеленым вином* опосредованно связаны со словом о полку Игореве («ту кроваваго вина не доста»). Кулинарный код в Слове явлен исключительно в образе «кровавое вино»; других образов этот памятник в рассматриваемом топосе не содержит. Эпитет «кровавое» определенно и недвусмысленно раскрывает содержание метафоры.

В песнях XIX века обращают на себя внимание образы *арбузов* и *дуль* (плоды определенного сорта груш). Понятно, что эти образы в русский фольклор попадают поздно. Арбуз, произрастающий в Астраханском и Волгоградском регионах России, — это экзотический для русского крестьянина плод. Только в XVII веке со времен царя Алексея Михайловича эта ягода стала поставляться к царскому столу. В сознании крестьянина (и солдата) *арбуз* занял свое место по мере того, как русский человек закрепился на территории нижнего Поволжья.

С *дулей* (грушей), казалось бы, русский крестьянин был знаком много ранее, чем с арбузом. Груша произрастает не только в южных регионах России, но и в средней полосе. Однако, как известно, крестьянство не практиковало садоводство. Хлебопашество было главным делом его жизни. Именно поэтому если *яблоня* и *яблоко* еще и вошло в поэтическую систему русского фольклора, то *груша* осталась далеко на периферии устной традиции. *Дуля* в рассматриваемом топосе — это, очевидно, позднее явление в фольклоре.

Мак, произрастающий в степной и полустепной зоне, с очевидностью стал знаком русскому крестьянину также очень поздно. Добавление *мака* в хлебобулочные изделия в качестве начинки — это новшество, с которым крестьянин познакомился, скорее всего, именно на солдатской службе.

В рассматриваемом топосе имеются и лексемы, дающие обобщающее название кулинарным изделиям: *гостинец*; *закуска*, *закусочки*; *кушанья*; *прикуска*; *угощеньице*; *чиненочка* (начинка); *яства*, *яствице*. Слово *яства* (*яствице*) в языке устной традиции закрепилось еще в былинах. Слово *гостинец* очевидно связано с лексемой *гость* (купец) и в своем значении трансформировалось от «*большая дорога, по которой едут*

³ Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 412. См. также статью о пироге: Гура А. В. Пирог // Там же. Т. 4. С. 47–52.

⁴ Валенцова М. М., Белова О. В. Пиво // Там же. С. 44–47.

гости (купцы)» до «подарок» (привезенный откуда-то). В современном значении *подарок* слово употребляется с XVI века.

Многообразным оказывается круг атрибутов застолья: *вилки; ложечки; столы, столики; скатерти; тарелки, тарелочки*. В значении «плоская круглая посуда» слово *тарелка* (тарель) на Руси известно с XVI века — от фр. и нем. *Teller* через польский язык. В традиционной культуре тарелка включена в обрядовые комплексы.⁵ Вилка в России появилась только в XVII веке; в крестьянском же быту — пожалуй, лишь в XIX столетии. Тем не менее традиционная культура включила этот вид столовых приборов в свой обиход и нагрузила предмет обрядовыми значениями и запретами.⁶ Все это способствовало включению данных слов в образную систему рассматриваемого топоса.

Для обозначения общей ситуации топоса «битва как пир» песня использует слова «пир» и «обед». Лексема «пир», напомним, зафиксирована и в Слове о полку Игореве. Топос, таким образом, оказывается поразительно времяемким: он сохраняет свое значение не только в содержательном и метафорическом плане, но и на уровне лексики.

Взаимопроницаемость образной системы различных топосов — это еще один аспект, который мы можем наблюдать на исследуемом материале. Укажем также, что топос «битва как пир» в традиционной культуре реализуется не только в исторических песнях Нового времени, но получает и смеховое оформление в батальной лубочной картинке, в приговорах раешников, скоморошинах и небылицах.

Историко-песенный фольклор Нового времени позволяет составить целый реестр топосов (среди них, например, «битва как пашня» — тексты ИП XVIII, № 70, 80, 204, 448), представляющих различные вариации и трансформации и позволяющих рассмотреть укорененность образов в традиционную культуру русского народа. Топос «битва как пир» — это лишь одна из универсальных метафор русского фольклора.

⁵ Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Е. Л. Мадлевская, Н. Н. Соснина, О. М. Фишман, И. И. Шангина. СПб., 1999. С. 331–332.

⁶ Там же. С. 155–156.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-89-103

© М. С. Белоусов, © А. С. Белоусов

ОДА А. С. ПУШКИНА «КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ» В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ*

В августе 1831 года А. С. Пушкин написал оду «Клеветникам России». Как верно заметил еще в 1929 году В. А. Францев, «едва ли какое из так называемых мелких стихотворений Пушкина вызвало столько разнообразных, часто противоречивых толкований, неосновательных упреков, резких нападок на поэта».¹ С тех пор прошло уже более девяноста лет, а эти слова продолжают оставаться максимально точной характеристикой ситуации, связанной с интерпретацией данного произведения. Появилось немало новых исследований, но на ряд существенных вопросов пока так и нет ответа. Прежде всего, рассмотрим ключевые мнения, высказанные о стихотворении.

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект № 19-18-00073.

¹ Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. Опыт исторического комментария к стихотворениям: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 65.